

Василий Григорьевич Авсеенко

Нужна ли нам литература?

Василий Григорьевич Авсеенко

Нужна ли нам литература?

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2779245

Аннотация

«Понятія которыми питается и руководится наша современная журналистика настолько спутаны и полны противорѣчій что самые элементарные вопросы, какъ напримѣръ: нужна ли намъ литература въ смыслѣ высшаго духовнаго творчества? – не могутъ назваться рѣшенными и слѣдовательно излишними. Путаница понятій доходитъ до того что самое слово литература утратило опредѣленное значеніе, и каждый толкуетъ его сообразно умственному уровню на которомъ стоитъ и направленію литературнаго прихода къ которому принадлежитъ. Въ то время какъ одни считаютъ литературу совокупностью общественныхъ идей и выраженіемъ народнаго самосознанія въ данный моментъ развитія, другіе понимаютъ подъ этимъ словомъ всякую журнальную и газетную дребедень и не отличаютъ писателя выносившаго въ себѣ извѣстное міросозерцаніе отъ литератора-обывателя, обличившаго въ анонимной корреспонденціи одну изъ буквъ русскаго алфавита...»

Произведение дается в дореформенном алфавите.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

10

Василий Григорьевич Авсеенко

Нужна ли намъ литература?

А. С. Пушкинъ: Матеріалы для его біографіи и оцѣнки произведеній. П. В. Анненкова. С.-Петербургъ, 1873 года. – Характеристики литературныхъ мнѣній отъ двадцатыхъ до пятидесятыхъ годовъ. А. Н. Пыпина (Вѣстникъ Европы).

«Русскій Вѣстникъ», № 5, 1873

Понятія которыми питается и руководится наша современная журналистика настолько спутаны и полны противорѣчій что самые элементарные вопросы, какъ на примѣръ: нужна ли намъ литература въ смыслѣ высшаго духовнаго творчества? – не могутъ назваться рѣшенными и слѣдовательно излишними. Путаница понятій доходитъ до того что самое слово литература утратило опредѣленное значеніе, и каждый толкуеть его сообразно умственному уровню на которомъ стоитъ и направленію литературнаго прихода къ которому принадлежитъ. Въ то время какъ одни считаютъ литературу совокупностью общественныхъ идей и выраженіемъ народнаго самосознанія въ данный моментъ развитія, другіе понимаютъ подъ этимъ словомъ всякую журнальную и газетную дребедень и не отличаютъ писателя выносивша-

го въ себѣ извѣстное міросозерцаніе отъ литератора-обывателя, обличившаго въ анонимной корреспонденціи одну изъ буквъ русскаго алфавита. Одни полагаютъ что задача литературы заключается въ непрерывномъ выпусканіи въ публику прогрессивныхъ и либеральныхъ взглядовъ и вполнѣ увѣрены что только тотъ писатель имѣетъ право на долговѣчность кто заявилъ въ своихъ произведеніяхъ претензію на замѣну существующихъ понятій новыми, причемъ предполагается что всякое новое понятіе непременно лучше стараго, въ силу того что оно новое, а не старое; другіе даже и этого скромнаго требованія не обращаютъ къ писателю, но довольствуются видѣть въ печатномъ словѣ лишь пассивное отрицаніе всего того что въ предыдущій періодъ нашего развитія считалось необходимымъ элементомъ литературы. Послѣднее воззрѣніе конечно не высказывается дидактически, но что оно руководитъ огромнымъ большинствомъ современныхъ журналистовъ, въ этомъ не трудно убѣдиться, прослѣдивъ и сопоставивъ рядъ преобладающихъ явленій въ нашей печати. Никто, напримѣръ, не высказываетъ ясно что талантъ долженъ быть преслѣдуемъ, какъ злѣйшій врагъ времени; но тѣмъ не менѣе мы видимъ что всякое талантливое имя въ литературѣ забрасывается грязью, а противъ новыхъ, только-что возникающихъ дарованій устраивается настоящая травля, полная необузданной злобы и ожесточенія. Никто изъ газетныхъ и журнальныхъ рецензентовъ не будетъ такъ смѣлъ чтобы высказать прямо что бездарность долж-

на быть поощряема и возвеличиваема, но мы видимъ цѣлый рядъ такихъ поощреній и возвеличеній, дѣлаемыхъ какъ бы по сигналу, съ замѣчательнымъ единодушіемъ. Въ одной тѣсной области беллетристики можно насчитать нѣсколько такихъ явленій за самыя послѣдніе годы: стоитъ вспомнить какъ усердно искала петербургская печать «перваго русскаго беллетриста», поочередно возводя въ это достоинство сперва г. Рѣшетникова, потомъ г. Глѣба Успенскаго, и наконецъ г. Куцевскаго. Такія явленія не могутъ быть случайными, и если мы не называемъ ихъ признакомъ времени, то только потому что въ этомъ случаѣ общество наше совершенно разошлось съ критикой, и произведенія лелѣемыхъ печатью беллетристовъ спокойно лежатъ на книгопродавческихъ полкахъ.

Но оставимъ въ сторонѣ общество и обратимся исключительно къ печати. Протекающую въ ней струю, мы полагаемъ, весьма не трудно открыть, несмотря на то что господствующее въ современной журналистикѣ направленіе остерегается заявить себя опредѣленною программой. Мы указали на одно изъ преобладающихъ явленій нашей печати — ненависть къ таланту и стремленіе безмѣрно возвеличить бездарность или посредственность, если эти послѣднія выражаютъ отрицаніе выработанныхъ цивилизаціей пріемовъ и принциповъ. Въ примѣненіи къ чисто литературнымъ фактамъ это направленіе выражается съ особенною очевидностью. Внимательный наблюдатель долженъ убѣдиться что белле-

тристь воспитанный на вѣчныхъ законахъ искусства и владѣющій идеалами не можетъ разчитывать на благосклонность печати; и наоборотъ, писатель, отказавшійся отъ основныхъ требованій художественной литературы, лишенный идеаловъ, вяжущій свои страницы изъ скучныхъ, каррикатурныхъ и далекихъ отъ природы сценъ, съ увѣренностью можетъ положиться на покровительство журналистики. Послѣдовательность и смѣлость современной критики въ этомъ отношеніи заслуживаетъ полнаго вниманія. Напримѣръ, общія требованья художественной литературы говорятъ что романъ долженъ представлять полное внутренняго и внѣшняго интереса развитіе драмы, служить живымъ и вѣрнымъ отраженіемъ дѣйствительности, изображать типы и характеры въ ихъ обусловленныхъ жизнью столкновеніяхъ и въ концѣ концовъ дѣйствовать воспитательно на читающую массу, указывая ей нравственные идеалы въ жизни или возбуждая въ ней честное негодованіе къ общественному злу. Конечно, ни одинъ изъ современныхъ критиковъ не сознается гласно и откровенно что онъ не признаетъ подобныхъ требованій; но достаточно чтобы романисту удалось удовлетворить хотя одному изъ этихъ требованій, и на него обрушится необузданная злоба и площадная брань. Явленіе это настолько укоренилось въ нашей печати что въ ней образовался даже особый, условный языкъ, маскирующій направленіе критики и безъ сомнѣнія многихъ вводящій въ обманъ. На этомъ языкѣ богатство драматическаго интереса и внѣшняго содержанія

называется дюмасовщиной¹ и осмѣивается, какъ поползновение польстить низшимъ вкусамъ полуобразованной публики; объективно-художественное и вѣрное натурѣ изображение характеровъ и типовъ подвергается глумленію, какъ результатъ безжизненнаго принципа: «искусство для искусства», причемъ автору дѣлается скромный упрекъ что что де по своему политическому развитію онъ стоитъ ниже наѣхавшаго на него рецензента; нравственная же и общественная тенденція автора или услужливо извращается до степени «инсинуаціи» и «литературнаго доноса», или просто обходится молчаніемъ, если сдѣлать изъ нея инсинуацію не представляется возможности. Такимъ образомъ публикѣ подносится сознательная ложь, и если этой лжи лишь немногіе вѣрятъ, то только потому что между печатью и обществомъ давно уже въ вопросахъ литературныхъ произошелъ указанный нами разрывъ. Конечно, этотъ разрывъ спасаетъ и общество, и литературу; но можно ли назвать нормальнымъ такой порядокъ, при которомъ читающая масса, вмѣсто того чтобы находить въ критикѣ стоящаго впереди руководителя, принуждена собственными средствами бороться съ расточаемою ею растлѣвающей ложью?

Считаемъ излишнимъ указывать насколько отъ такого порядка страдаетъ сама литература, не только лишенная необ-

¹ Кстати о Дюма: у насъ обязательень презрительный отзывъ объ этомъ писателѣ, искусство котораго задумать и развить интригу романа можетъ считаться образцовымъ.

ходимаго посредства критики между нею и публикой, но еще имѣющая въ критикѣ мстительнаго врага, сквозь брань и наговоры котораго писателю приходится пробиваться единственно силою таланта. При такомъ положеніи дѣла, когда писатель заранѣе можетъ быть увѣренъ что онъ не встрѣтитъ со стороны критики дружескаго привѣта, что онъ не услышитъ отъ нея ободряющаго и руководящаго слова, литературная дѣятельность утрачиваетъ свою заманчивую сторону, и путь писателя становится тернистымъ путемъ, на который можетъ подвинуть человѣка только непреодолимая внутренняя потребность таланта или счастливое, къ сожалѣнію весьма рѣдко встрѣчающееся, безразличное отношеніе къ печатной брани и наругательствамъ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.